

Мукусов Вл.

В ДЕСЯТКУ!

Собеседник. — 1998. — № 20. — С. 10-11.

фото Катя Котелевской

ВЛАДИМИР МУКУСЕВ: ЕСЛИ БЫ Я НАЗВАЛ ТЕХ,

КТО ВОРУЕТ В «ОСТАНКИНО»

ЛИСТЬЕВ БЫЛ БЫ ЖИВ

ОРТ не что иное, как скупка краденого

— Вы всегда наступали на больные мозоли власти: еще со времен «Взгляда». Может быть, сегодня все это припомнили?

— Я никогда специально ни с кем не воевал. Как-то так получается, что я не в ладах с властями предрежущими. Черт его знает, почему так выходит. Но, может быть, это и есть журналистика? Я ведь не один такой, слава тебе Господи. И все-таки, когда говорят, что «Взгляд» — это Мукусов, я всегда отвечаю: нет. Это, как минимум, еще и команда.

— Для большинства «Взгляд» — это Листьев, Любимов и только потом — вы с Политковским, например.

— Когда говорят, что «Взгляд» делали они, у меня волосы шевелятся и появляется страшная обида за всех остальных. Притом на нас пахали тысячи человек, работающих в «Останкино». И только после этого списка стояла всем известная четверка. Любимов, Листьев, Захаров и Вакуловский были приглашенными людьми, таксистами, что ли, и никакого отношения к созданию «Взгляда» не имели. Тексты им писались, материалы они почти не снимали: Сагалаеву не раз приходилось отбивать их от постоянных нападков журналистов и руководства нашего замечательного телевидения. В то время они действительно были профнепригодны. Их держали лишь из-за одной идеи: сменить имидж молодежной редакции в конкретной передаче под названием «Взгляд». Чтобы спасти программу и их самих, Сагалаев посадил меня вести эфир, хотя я был категорически против этого изначально. А он оставил ребят сидеть на телефонах, а позднее постепенно вернул их в кадр. На праздновании 10-летия «Взгляда» мне пришла на ум история с бревном, которое вместе с Лениным несли на субботнике, по данным официального архива ЦК КПСС, около 800 человек. Оказывается, нашу программу делали какие-то эрзцы, дибровы и тому подобные личности, к «Взгляду» не имевшие ни малейшего отношения. Программа кончилась в декабре 1990 года. Больше не вышло ни одного эфира. Мне сказали (я не смотрю первый канал), что есть какой-то «Взгляд». Но тогда ОРТ не что иное, как скупка краденого. Как можно при живом Мукусове у кого-то покупать «Взгляд»?

— А как же Любимов на первом канале каждую пятницу? И вид у него уверенный и довольный. Почему получилось, что вы, создатель программы, остались в стороне, а другие люди стригут купоны с идеи?

— Понимаешь, довольное и сытое лицо можно наблюдать не только у него. Эти люди сделали на нашей идее хорошие деньги, приобрели капитал.

Я не хотел никого сажать, поэтому и не стал генеральным директором «Останкино»

— Создалось впечатление, что Мукусов после закрытия всеми любимой программы навсегда пропал с телеэкрана. В отличие от остальных «взглядцев». Они-то как раз неплохо устроились.

— Никуда я не пропадал. Первые три года после закрытия программы работал в Сибири. Позвонил мне как-то инженер одного новосибирского завода и сообщил: «Приезжайте и сделайте «Взгляд» у нас. Есть комната, камера и три видеомонитора. Вы все говорили, что нет эфира, так вот я могу вам предоставить четыре часа в день на местном телевидении» (с заводом за поставленные видеомониторы местное телевидение расплачивалось эфирным временем). В Москве у меня было налаженное производство, когда все крутилось само по себе, а там — один как перст. Через неделю — двое, а через год — пятсот человек в штате. Так образовалась первая независимая компания НТН, которая стала родоначальницей десятков телекомпаний по всей Сибири и Дальнему Востоку. В Новосибирске мое дело до сих пор живет: три телеканала сейчас работают.

— А почему все-таки Сибирь?

— Потому что для меня в Москве все было категорически закрыто, напрочь. В конце 1992 года я получил очень серьезные документы о деятельности всего тогдашнего «Останкино» — как депутату Верховного Совета мне из КРУ Минфина прислали их на экспертизу. Тогда никто не знал точно, сколько стоит эфирное время — рубль, сто или тысячу. Когда я их прочел, мне стало страшно: за каждой строкой были знакомые люди, разговаривающие чудовищные суммы. Я сделал анализ документов, они потом были частично опубликованы. Но в этот же момент мне предложили пост генерального директора «Останкино»: оно глупо, надо

было его спасать. Положение, в котором оказался, было серьезным: я понимал, что, если приму этот пост, первое, что мне надо сделать — положить результаты проверки на стол к генпрокурору. Тогда бы я оставался чист перед законом. Что бы вы подумали, узнав, что Владимир Мукусов, едва получив должность, инициировал открытие уголовных дел на своих коллег? Конечно, решили бы — сводит счеты: не было его три года, а теперь появился и сажает друзей. Я поставил условие перед министром Полтораниным, что приму это назначение, если он объявит в прессе, что результаты проверки переданы в Генпрокуратуру. Этого сделано не было, и я не стал генеральным директором.

— Вы до сих пор так и не назвали эти фамилии.

— Это дело следственных органов. Хотя, назови я тогда их, возможно, Влад Листьев сегодня был бы жив. Меня до сих пор мучает вопрос: что было важнее — посадить тогда, грубо говоря, Влада за решетку, но оставить его живым или оставить ситуацию, как есть. В итоге его убили. Мне, наверное, до конца своих дней придется разбираться: прав я или нет. О моих условиях стало немедленно известно в «Останкино». Я стал персоной нон грата. Через полгода случилась замечательная история с расстрелом Белого дома. Тогда я перестал вообще значить что-то: превратился в нечто непонятное с неким хвостом под названием «Взгляд». Те десятки телепрое-

тов, которые были помимо него, стали никому не интересны. А дальше в ход пошло телефонное право: ведь Гостелерадио существует и сегодня. Только называется не первым, второй или третий канал, а НТВ, ОРТ, ВГТРК... Недавно представляли нового руководителя Федеральной службы телевидения и радиовещания — в том же самом кабинете на Пятницкой, 25, где раньше проходили коллегии (на которых я был неоднократно вызываем на ковер). И я увидел и прежних личностей, руливших телевидением и радио. Ничего в принципе не изменилось.

— НТВ, как известно, любит собирать под свое крыло уволенных звезд телеэкрана: если не вспоминать об основном костяке, недавний пример тому — Светлана Сорокина. Вас не приглашали?

— Значит, не всех пока собрали. НТВ я люблю и смотрю. Там работает и моя дочь — Лиза Листова, поэтому нечего семейственность разводить. А если серьезно, когда возникает вопрос, почему ты не на НТВ или еще где-нибудь, ответ простой: все эти каналы не что иное, как прежнее Гостелерадио. И стену, которую они поставили раньше передо мной, никто не убрал до сих пор. У нас существует ОРТ — так вот: оно не общественное, не российское и не телевидение. Это прекрасно отлаженная машина по

иска не получил. С самого начала Рэнэ говорил: «Беря меня на работу, ты рискуешь заработать очень серьезные неприятности. Причем я даже не знаю, откуда они свалятся на твою голову». После долгого поиска остановились на программе под названием «Объясните простому человеку». Это был некий социализм: что интересует людей в данный момент. И вот надо же было так случиться: угораздило меня однажды оказаться в МАРХИ, где студенты спросили: «А почему в Москве так много Церетели?» И я попытался в этом вопросе разобраться. Первый, кому позволил, был Церетели, второй — Лужков. Потом в течение долгого времени пытался устроить встречу студентов МАРХИ (будущую архитектурную элиту, которая станет олицетворением облика Москвы, а с ней и всей России) с ними в эфире программы. И тот и другой отказались от встречи. Я все же сделал передачу, где один из героев только предположил, что, может быть, это происходит из-за того, что Церетели и Лужков имеют какой-то совместный материальный интерес. Ладно бы речь шла о парковой скульптуре: стоит себе женщина с веслом — ну и Бог с ней, а тут же миллионы долларов угрожали на создание чудовищного Петра. Как выяснилось, на тот момент ни один из архитекторов и целых

Время надежд, гласности и поиска консенсуса Михаилом Горбачевым. Кажется, это было совсем недавно, когда улицы Горбачевых каждую пятницу пустели. Все смотрели «Взгляд» — передачу, которая открыла для миллионов зрителей новый мир. И кто лучше Владимира Мукусова, создателя программы, знает, как начиналась и чем закончилась эпоха «Взгляда»? Другие времена — другие люди владеют умами. «Взгляд» еще существует, но Любимовскую программу Мукусов не смотрит принципиально, впрочем, как и первый канал — ему противно. Нельзя два раза войти в одну и ту же реку — Мукусов хорошо это понял, жизнь заставила. За те восемь лет, что прошли без «Взгляда», путь его был усыпан отнюдь не розами.

избранию президента с конкретной фамилией — Ельцин. И контора эта сегодня существует только потому, что следующим президентом у нас должен стать Борис Николаевич.

— А ВГТРК?

— Ужас второго канала заключается в том, что он построен на песке. Его создавали Попцов и Лысенко — два человека, которые понятия не имели, как это делается. Ведь Лысенко всегда был при ком-то вторым, а не лидером. А Попцов вообще никоим боком телевидения не касался.

— Но он же крупный литературовед и публицист.

— Да уж, большой публицист — вспомни «Сельскую молодежь», где он работал. Мне-то не надо говорить, что из себя представляет Попцов. Они не знали основ телевидения, не ведали, как строить телекомпанию. Очень быстро им удалось построить фанерный домик, и на него сегодня повесили балкончиков, башенок, выносумов и тому подобного.

Суд оценил мою честь в пятьсот баксов

— После всех ваших мытарств нашлась все же компания, которая решила взять вас на работу — это REN-TV.

— Ирэнэ Лесневской я бесконечно благодарен за это. Несмотря на то, что потом судился с ней и выиграл дело, никакого удовлетво-

института (их только в Москве — три) не имели никакого отношения к установке памятников. Все единолично решал московский мэр. Передачу посмотрел Лужков, вызвал Лесневскую на ковер. Она вернулась от него с перекошенным лицом и стала меня прорабатывать. Я не знал до конца, почему такая реакция на мою передачу, но, по всей видимости, Лужков поставил условие: если вы хотите в дальнейшем получать от мэрии поддержку, то избавьтесь от Мукусова. И чтобы не раздувать скандал, меня ушли по-тихому, тем более что заканчивался срок моего трехмесячного контракта.

— А как расценили тогда слова Ирэнэ Лесневской о вашей финансовой нечистоплотности, послужившей основной причиной увольнения с REN-TV?

— Все это достаточно любопытно. Мы распрощались по-дружески. Более того, даже расцеловались при расставании. А дальше начались совершенно непонятные вещи: за месяц до ухода с REN-TV я решил сделать передачу «Кто и зачем сплавляет Россию» — о контрабандном выпуске водки. Меня поразило, что, по данным налоговой инспекции, 90 процентов спирта, который ввозится на территорию России, в дальнейшем пропадает. Понятно, что из него гонят водку, она продается, но казна от этого ничего не имеет. Я да и ты смотрим же телевизор и тупо наблюдаем, как нам показывают подвалы, грязные ванны и несколько десятков коробок с нелегаль-

ной водкой. Какой-нибудь доходяга болтает в чане грязной палкой. Разговор идет о миллионах не литров, а долларов, которые получают от этого занятия. Какие, к черту, ванны! Для производства такого количества отравы нужны громадные предприятия, которые работают целиком мимо кассы. Я попытался узнать у налоговиков, есть ли в принципе водочные производства, платящие все положенные отчисления в бюджет. Ирэна Лесневская об этом узнала и заявила: «Ты знаешь, что реклама ликеро-водочной продукции запрещена?» А при чем здесь какая-то реклама? О съемках пока и речи не было. А спустя три месяца в одном из интервью она вдруг заявила, что причина увольнения Мукусева в том, что он якобы брал деньги за свои сюжеты о водочном производстве. Я и подал иск в суд. Интересно, что с адвокатом, который выступал от имени REN-TV, я сидел раньше в одном кабинете. Мы были в очень хороших отношениях. А тут суд развел нас по разные стороны. В итоге суд оценил мое попранное достоинство в пять сотен баксов.

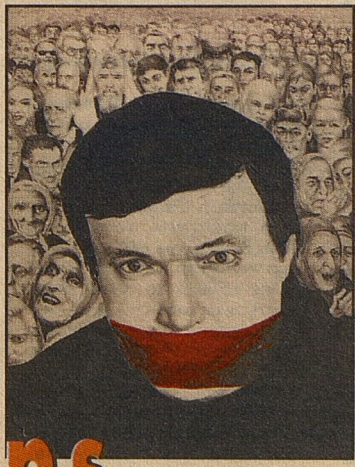
— **Называлась другая сумма —**

восемь тысяч рублей?

— Пять тысяч стоили услуги адвоката, а остальные три достанутся мне. Я еще тогда подумал: хорошо бы спросить у судьи, во сколько она оценивает свою честь и достоинство? Оценила бы она их в 500 долларов? Я же подал иск без материального возмещения ущерба, и размер его устанавливал сам суд. Он решил, что мое достоинство стоит именно столько — от этого еще больше тоскливо и грустно. Лучше бы вообще не затрагивали денежную тему. Я защищал само понятие честной журналистики, как бы высокопарно это ни звучало, а не ставил себе цель получить деньги.

— **И что же дальше, какие перспективы у неудобного Мукусева?**

— Ситуация просто бредовая: некоторые начальники, узнав, что я в Москве, начинают радостно взмахивать руками и предлагать работу: «Чем вы хотите заниматься?» Я говорю: «Я всем могу заниматься, хотите на ваше место сяду и буду руководить телеканалом. А не хотите — буду работать редактором и готовить самые обычные выпуски новостей». Мне не запахло: я не потерял вкус к склейке, монтажу. Все эти годы работал сам с камерой, на всех войнах с ней побывал. «Хорошо, — отвечают мне. — Только подождите, когда мы обсудим детали. Я вам позвоню дня через три». А дальше — тишина. Когда случайно с этим человеком сталкиваешься в следующий раз, он делает вид, что мы незнакомы, и отводит глаза. И такой жалкий вид побитой собаки у него, что как-то не по-мужски теребить вопросами: мол, ну что же ты... Сколь же велико было мое изумление, когда через месяц-другой на них появлялись передачи, которые я обсуждал при разговоре о будущей работе. Поэтому теперь я стал очень хитрым: делаю передачу на одном из каналов, не скажу на каком. Пригласил лояльного ведущего, убрал не только себя из кадра, но и свой голос. Даже авторство указано псевдонимом. Когда меня нет — это единственно возможный вариант выхода программы в эфир. Я, извини, тоже должен деньги зарабатывать. Я же на них живу.

ps

А перед прощанием Мукусев нашел где-то репродукцию картины «Свобода по-ельцински» — ну, сами видите, ничего необычного. Интересно, какой была бы картина «Свобода по-мукусевски»?..

Павел МОРОЗ.